

DOI: [10.14515/monitoring.2024.2.2439](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2439)

С. О. Парвадов

**СВЯЗЬ СУБЪЕКТИВНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ
С АНТИИММИГРАНТСКИМИ УСТАНОВКАМИ В ЕВРОПЕ:
АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ESS)**

Правильная ссылка на статью:

Парвадов С. О. Связь субъективной религиозности с антииммигрантскими установками в Европе: анализ на основе данных Европейского социального исследования (ESS) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 78—95. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2439>.

For citation:

Parvadov S. O. (2024) Relationship between Subjective Religiosity and Anti-Immigrant Attitudes in Europe: Analyzing European Social Survey (ESS) Data. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 78–95. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2439>. (In Russ.)

Получено: 18.06.2023. Принято к публикации: 02.04.2024.

СВЯЗЬ СУБЪЕКТИВНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ С АНТИИММИГРАНТСКИМИ УСТАНОВКАМИ В ЕВРОПЕ: АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ESS)

ПАРВАДОВ Семен Олегович — Аспирант факультета социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: sparvadov@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0009-0000-7258-0890>

Аннотация. В работе рассматривается, как субъективная религиозность и конфессиональная принадлежность связаны с антииммигрантскими установками в европейских странах на индивидуальном уровне. Теоретической основой исследования выступают теория культурной угрозы и теория религиозного сострадания. Согласно теории культурной угрозы, религиозность и конфессиональная принадлежность могут маркировать идентичность и быть основанием для антииммигрантских установок в результате конструируемого страха размытия этнокультурного единства. Теория религиозного сострадания, напротив, подчеркивает, что религиозным индивидам свойственно разделять альтруистические ценности, а это предполагает эмпатичное отношение к иммигрантам как уязвимой группе.

Исходя из таких предположений, автор выдвигает гипотезы и тестирует их на данных десятой волны Европейского социального исследования (ESS) по 30 европейским странам (общий объем выборки $N=23\,624$). В качестве главных предикторов выбраны уровень субъективной религиозности и конфессиональная принадлежность респондента.

RELATIONSHIP BETWEEN SUBJECTIVE RELIGIOSITY AND ANTI-IMMIGRANT ATTITUDES IN EUROPE: ANALYZING EUROPEAN SOCIAL SURVEY (ESS) DATA

Simion O. PARVADOV¹ — Postgraduate Student

E-MAIL: sparvadov@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0009-0000-7258-0890>

¹ European University at Saint Petersburg (EUSP), Saint Petersburg, Russia

Abstract. The paper examines how subjective religiosity and confessional affiliation are related to anti-immigrant attitudes in European countries at the individual level. Theoretically, the author bases on the cultural threat theory and the religious compassion theory. According to the cultural threat theory, religiosity and confessional affiliation can act as identity markers and form the basis for anti-immigrant attitudes because of a constructed fear of ethno-cultural unity erosion. Religious compassion theory, in contrast, emphasizes that religious individuals tend to share altruistic values, which implies an empathetic attitude towards immigrants as a vulnerable group.

Based on these assumptions, the author puts forward hypotheses and tests them on data from the tenth wave of the European Social Survey (ESS) for 30 European countries (total sample size $N=23\,624$). The level of subjective religiosity and the respondent's confessional affiliation were chosen as the main predictors. The dependent variables are built based on responses to two questions that reveal the respondent's willingness to accept immigrants of different origins (of the same ethnic group/race or the group differing from the majority).

та. В качестве зависимых переменных выступают ответы на два вопроса, раскрывающие готовность респондента принимать иммигрантов разного происхождения — той же этнической группы/расы или отличной от большинства. Основным методом анализа выступило регрессионное моделирование: были построены множественные линейные модели с робастными оценками.

В результате установлено, что статистические связи с антииммигрантскими установками имеет не только субъективная религиозность респондента, но и его принадлежность к определенной конфессии, а также эффекты их взаимодействия. Теория культурной угрозы продемонстрировала большой объяснительный потенциал, в то время как предположения, связанные с теорией религиозного сострадания, не нашли подтверждения.

Ключевые слова: миграция, антииммигрантские установки, субъективная религиозность, теория культурной угрозы, теория религиозного сострадания, Европейское социальное исследование

The main method of analysis was regression modeling; the author evaluates multiple linear models with robust estimates. As a result, it was established that not only the subjective religiosity of the respondent, but also his or her belonging to a certain denomination, as well as the effects of their interaction, show significant correlation with anti-immigrant attitudes. The cultural threat theory demonstrated greater explanatory power, while the predictions associated with the religious compassion theory have not been confirmed.

Keywords: migration, anti-immigrant attitudes, subjective religiosity, cultural threat theory, religious compassion theory, European Social Survey

Введение

Антииммигрантские установки — важная составляющая общественного мнения, имеющая социально-экономические основания и политические последствия. Общественные предубеждения, связанные с иммигрантами, например опасения по поводу «кражи» рабочих мест у принимающего населения, снижения заработной платы или чрезмерного давления на государственные расходы [Dancygier, Donnelly, 2013], способствуют дискриминации отдельных групп, укреплению поддержки правых популистских партий и радикализации общества в целом [Cutts, Ford, Goodwin, 2011].

Недавний европейский опыт подтвердил социальную актуальность данного феномена. Миграционный кризис привел к укреплению старых стереотипов об экстремизме, преступности, низком уровне культуры мусульман; росту антисемитизма и исламофобии в европейских странах [Aristova, 2016]. Террористические атаки 2014—2018 гг. в странах Западной Европы и миграционный гуманитарный

кризис 2015 г. усилили негативное отношение европейцев к иммигрантам [Baláž, Nežinský, Williams, 2021] и вызвали критику миграционной политики, проводимой как Европейским союзом (ЕС) в целом, так и отдельными его членами [Joensen, Taylor, 2021; Squire et al., 2021]. Отсутствие единой и эффективной миграционной политики не только повлияло на общественное мнение об иммигрантах, но и негативно сказалось на интерпретации принципа солидарности и доверии к политической системе ЕС в целом [Balch, 2016; Mikołajczyk, 2020].

При этом фактор религии стал играть важнейшую роль в антииммигрантской риторике в европейском контексте: установление религиозно-культурных иерархий представляется более «приемлемой» границей при обсуждении иммигрантов, чем этно-расовые различия [Pecker, 2022]. Противостояние иммигрантов и принимающего населения вместе с активной антииммигрантской риторикой правых популистских партий в ряде европейских стран [Yilmaz, 2012] актуализировало необходимость более детального изучения связи религиозности и антииммигрантских установок.

Эмпирические исследования выявляют различные связи между религиозностью и отношением к иммиграции. С одной стороны, высокая религиозность индивидов приводит к усилению антииммигрантских установок, поскольку этническое и религиозное отличие иммигрантов воспринимается как угроза собственной групповой идентичности. С другой стороны, соблюдение ключевых религиозных учений предполагает разделение альтруистических ценностей, в том числе содействие иммигрантам как группам, находящимся в тяжелом положении [Ben-Nun Bloom, Arikan, Courtemanche, 2015; Ladini et al., 2021; Kollar, Fleischmann, 2022].

Исследовательский вопрос этой работы заключается в том, чтобы выяснить, как уровень субъективной религиозности и конфессиональная принадлежность связаны с антииммигрантскими установками в европейских странах на индивидуальном уровне.

Вкладом данного исследования в существующую научную дискуссию является тестирование теорий культурной угрозы и религиозного сострадания на опросных данных Европейского социального исследования, а также оценка статистических связей между уровнем субъективной религиозности респондента с учетом его конфессиональной принадлежности и отношением к принятию иммигрантов в зависимости от их происхождения.

Теоретические основы исследования

В литературе существует ряд конкурирующих объяснений антииммигрантских установок. Например, теория конкуренции на рынке труда в качестве факторов, определяющих отношение к иммиграции, в противовес образованию и культурным ценностям называет специфические характеристики квалификации рабочей силы. В соответствии с этой теорией, люди с низкой квалификацией и навыками широкого применения (вне зависимости от образования) будут бояться потерять работу и враждебно относиться к иммигрантам, склоняясь к поддержке правых популистских сил [Pardos-Prado, Xena, 2019]. Кроме того, положительную связь с антииммигрантскими установками показывают личная финансовая незащищенность, высокие субъективные оценки экономического неравенства и социотроп-

ное восприятие экономической ситуации [Kim, Kim, 2021]. Тестируя теорию конкуренции на рынке труда на российских данных, А. Бессуднов обнаружил этническую иерархию: россияне негативнее настроены к иммигрантам с Кавказа и из Центральной Азии, чем к иммигрантам из Молдовы и Украины [Bessudnov, 2016]. Существование теоретических допущений об этнических и религиозных иерархиях, то есть моделях ранжирования этнических и религиозных аутгрупп по принципу исключения из социального взаимодействия, были проверены и на европейских данных. Результаты показали, что в большинстве европейских стран принимающее население выступает против приезда цыган, мусульман и иудеев [Gesthuizen, Savelkoul, Scheepers, 2021]. В целом отмечается, что культурно-символические факторы имеют больший потенциал для объяснения антииммигрантских установок в европейском контексте, чем социально-экономические [McDaniel, Nooruddin, Shortle, 2010; Card, Dustmann, Preston, 2012], тем не менее и в рамках «культурных» объяснений есть ряд противоречий.

Попытки проанализировать парадоксальную связь религиозности и предрассудков впервые были предприняты Г. Олпортом и Дж. Россом. Исследователи полагали, что «внешне религиозные» индивиды, рассматривающие религию как утилитарную категорию (например, составляющую групповой этнокультурной идентичности), более подвержены предрассудкам по отношению к другим группам, чем «внутренне религиозные», искренне соблюдающие принципы своей конфессии [Allport, Ross, 1967].

Авторы современных эмпирических исследований [Ben-Nun Bloom, Arikan, Courtemanche, 2015; Ladini et al., 2021; Дорханов, Соколов, 2022; Thérová, 2023], отталкиваясь от противоречий религиозного фактора, обозначенных Олпортом и Россом, часто описывают механизмы влияния индивидуальной религиозности на антииммигрантские установки в терминах двух конкурирующих объяснений, сформулированных теориями культурной угрозы и религиозного сострадания.

Теория культурной угрозы описывает антииммигрантские установки через конструирование страха утраты идентичности в результате размывания этнокультурного единства принимающего населения [Ben-Nun Bloom, Arikan, Lahav, 2015: 1762]. Согласно этой теории, религия выступает этнокультурным маркером, призванным отличать «своих» от «чужих», тем самым формируя еще одно основание для дискриминации иммигрантов [Quillian, 1995; Sides, Citrin, 2007; Storm, 2011; Ben-Nun Bloom, Arikan, Lahav, 2015]. Религия в таком случае рассматривается и как часть национальной идентичности. Конфессиональная принадлежность может быть тесно связана с представлениями о том, что значит быть европейцем. При этом, несмотря на ценность сострадания, разделяемую в том числе и христианскими конфессиями, при анализе эмпирических данных обнаруживается связь религиозного фундаментализма с высокой распространенностью предрассудков, этноцентризмом и милитаризмом [Rothschild, Abdollahi, Pyszczynski, 2009]. Поэтому христианские националисты могут стремиться исключить из общества тех, кто потенциально ослабляет христианские ценности. Иммигранты же другого этнического происхождения и конфессии для религиозных индивидов представляются прямой угрозой устоявшейся культуре [McDaniel, Nooruddin, Shortle, 2010]. Опираясь на эти результаты, мы формулируем гипотезу 1, предполагающую, что

уровень субъективной религиозности у христиан (католики, протестанты, православные) отрицательно связан с готовностью принимать иммигрантов этнической группы/расы, отличной от большинства населения.

Однако и внутри христианских конфессий может наблюдаться вариативность восприятия групповых угроз. В частности, в противовес фундаменталистам, создающим сильную внутригрупповую лояльность и враждебность к тем, кто не входит в централизованную сеть, протестантские организационные структуры генерируют больше внешнего доверия и меньший антагонизм к аутгруппам [Daniels, von der Ruhr, 2005]. Так, можно предположить, что *уровень субъективной религиозности у католиков и православных показывает более сильную отрицательную связь с готовностью принимать иммигрантов другой этнической группы/расы, чем у протестантов (гипотеза 2).*

Теория религиозного сострадания, напротив, подчеркивает разделение альтруистических ценностей религиозными индивидами и предполагает положительное отношение к иммигрантам, поскольку последние представляются группой, переживающей трудности и нуждающейся в заботе [Scheepers, Gijsberts, Hello, 2002; Knoll, 2009; Ben-Nun Bloom, Arikan, Courtemanche, 2015]. Поэтому гипотеза 3 заключается в том, что *уровень субъективной религиозности у христиан (католики, протестанты, православные) положительно связан с готовностью принимать иммигрантов как той же этнической группы/расы, так и отличной от большинства населения.*

Кроме того, в исследовательской литературе отмечается, что на религиозную идентичность могут оказывать влияние представители церковного руководства [McDaniel, Nooruddin, Shortle, 2010]. В частности, публичные обращения религиозных лидеров призваны обозначить ценности, которые должны разделять религиозные индивиды, принадлежащие к той или иной конфессии. Известно, что публичные позитивные заявления (среди прочих) по поводу миграции сделали лидеры католической и протестантских конфессий¹ [Knoll, 2009; Nteta, Wallsten, 2012]. Рассматривая Грецию как показательный случай переплетения национальной и религиозной идентичности в сочетании с ярко выраженными антииммигрантскими настроениями в обществе, Г. Кариотис и С. Патрикиос проанализировали дискурсы религиозных элит и обнаружили националистическую риторику, отождествляемую с православием. В частности, православная церковь представлялась как главный хранитель национальной идентичности, эксклюзивной по отношению к неправославным группам. Исследователи предположили, что описанная логика может быть релевантной и для других православных стран, например для Сербии или Кипра [Karyotis, Patrikios, 2010: 47]. Исходя из того, что публичные заявления могут трансформировать религиозную идентичность, ожидается,

¹ Например, Конференция католических епископов США сделала официальное заявление в 2000 г., которое заключается в призыве всех членов церковной общины продолжать работу по отстаиванию законодательно закрепленных прав человека среди иммигрантов, в том числе права на сохранение единства семьи.

Касательно протестантов можно отметить, что в 2006 г. Епископальное миграционное ведомство воззвало предоставлять убежище угнетенным в соответствии с призывом Христа «принимать незнакомца так, как своего гостя». А совместное заявление главы Евангелическо-лютеранской церкви в Америке и Лютеранской службы по вопросам иммиграции и беженцев в 2007 г. обозначило поддержку предоставления возможностей постоянного проживания для людей, работающих в стране, а также их семей [Knoll, 2009: 315—316].

что уровень субъективной религиозности у католиков и протестантов будет показывать более сильную положительную связь с готовностью принимать иммигрантов как той же этнической группы/расы, так и отличной от большинства населения, чем у православных (гипотеза 4).

Альтернативной оптикой, связанной с состраданием, является «религиозная маргинализация», сформулированная в терминах гипотезы о маргинализации меньшинств [Knoll, 2009]. Данное теоретическое объяснение связи индивидуальной религиозности и антииммигрантских установок заключается в том, что одни маргинализированные по социально-политическим основаниям группы склонны сопереживать другим подобным группам, поскольку их объединяет общий опыт [Fetzer, 1998]. Поскольку мусульмане, с одной стороны, являются религиозным меньшинством в европейских странах, а с другой — ключевым элементом иммиграционного потока в Европу, ожидается, что уровень субъективной религиозности у мусульман положительно связан с готовностью принимать иммигрантов как той же этнической группы/расы, так и отличной от большинства населения (гипотеза 5).

Стратегия исследования

Эмпирической основой исследования послужила база данных десятой волны Европейского социального исследования². Сбор данных проводился в 2020—2022 гг., а в выборку вошли 23 624 респондента из 30 стран³.

В качестве зависимых переменных выступают ответы на два вопроса, раскрывающие готовность респондента принимать иммигрантов разного происхождения через степень согласия со следующими решениями:

1) разрешить въезд многим/немногим иммигрантам той же расы / этнической группы, что и большинство;

2) разрешить въезд многим/немногим иммигрантам расы / этнической группы, отличной от большинства.

Названные переменные относятся к порядковым, и ответы на них закодированы значениями от 1 до 4, где «1» соответствует варианту «разрешить въезд всем» (принимать всех), «2» — «разрешить въезд многим», «3» — «разрешить въезд некоторым», «4» — «не разрешать въезд никому» (не принимать никого).

Главными предикторами в исследовании являются субъективная религиозность и конфессиональная принадлежность, которые конструируются на основе вопросов «Принадлежность к определенной религии или деноминации» (категориальная переменная) и «Насколько вы религиозны» (от «0» = совсем нерелигиозен до «10» = очень религиозен).

Под «принадлежностью» подразумевается самоидентификация индивида с конкретной конфессией. «Субъективная религиозность» аналогичным образом представляет то, как уровень своей религиозности определяет сам респондент.

² European Social Survey European Research Infrastructure (ESS ERIC). (2023). ESS10 Self-completion — integrated file, edition 3.1 [Data set]. Sikt — Norwegian Agency for Shared Services in Education and Research. https://doi.org/10.21338/ess10sce03_1; European Social Survey European Research Infrastructure (ESS ERIC). (2023). ESS10 integrated file, edition 3.2 [Data set]. Sikt — Norwegian Agency for Shared Services in Education and Research. https://doi.org/10.21338/ess10e03_2.

³ Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Македония, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Сербия, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония.

В качестве контрольных переменных используются возраст (в годах), пол («0» кодирует женщин, «1» — мужчин), доход (принадлежность к одному из децилей в распределении доходов, от 1 до 10) и уровень образования («0» = нет высшего образования, «1» = есть высшее образование).

В соответствии с распространенной практикой в исследованиях, опирающихся на межстрановые опросные данные, упорядоченные целевые переменные, а также предикторы, закодированные от 0 до 10, условно рассматриваются как интервальные.

Такой выбор зависимых переменных и предикторов позволит оценить роль религиозного фактора с учетом социально-экономических характеристик респондента.

Подготовка данных

На первом этапе работы были предварительно обработаны данные. Сначала были удалены респонденты с недопустимыми и пропущенными значениями. После исследования предикторов, связанных с редкими и малоинформативными с точки зрения дальнейшей интерпретации деноминациями (принадлежащие к восточным конфессиям, иудеи, прочие христиане, прочие нехристиане), для анализа были оставлены только конфессии, присутствующие в гипотезах.

Дополнительно были произведены стандартизация и центрирование интервальных независимых переменных.

В завершение предварительной обработки массив данных были разделены на два набора. В первый набор данных вошли представители исследуемых христианских конфессий: католики (11 706), православные (5 972), протестанты (4 654) — всего 22 332 респондента для тестирования гипотез 1—4. Во втором наборе представлены мусульмане (1 292 респондентов) для проверки гипотезы 5.

Методы и результаты

Основной метод исследования — регрессионное моделирование. Поскольку работа нацелена на тестирование гипотез на индивидуальном уровне, были построены множественные линейные регрессии со стандартными ошибками, устойчивыми к гетероскедастичности⁴.

Результаты проведенного анализа представлены в таблицах 1 и 2 и проиллюстрированы на рисунках 1 и 2.

Результаты оценки модели 1 (см. табл. 1) показывают, что субъективная религиозность христиан (католиков, православных и протестантов) положительно связана с неготовностью принимать иммигрантов расы / этнической группы, отличной от большинства. При увеличении данного предиктора на единицу от среднего зависимая переменная увеличивается на 0,02. Это свидетельствует в поддержку гипотезы 1, в отличие от гипотезы 3.

⁴ В своем исследовании Д. Бауэр и С. Штерба демонстрируют, что «подход, основанный на линейном моделировании, может быть адекватным, если количество категорий для переменной отклика велико (например, 5) и если распределение ответов по категориям имеет приблизительно нормальную форму» [Bauer, Sterba, 2011: 377]. В нашем случае оба условия во многом соблюдаются, а дополнительное построение порядковых моделей показало содержательно идентичные результаты.

Код решения доступен по ссылке: <https://github.com/SP-relig/ATI1> (дата обращения: 25.04.2024).

Для тестирования гипотезы 2 в качестве опорной категории были выбраны протестанты. Модель 2 (см. табл. 1) демонстрирует незначимость уровня субъективной религиозности как независимого предиктора, в то время как принадлежность респондента к католической и православной конфессии по сравнению с протестантами увеличивает неготовность принимать «чужих» иммигрантов соответственно на 0,20 и 0,52 стандартных отклонения. Эффект взаимодействия субъективной религиозности и двух конфессий (католики и православные) проиллюстрирован на рисунке 1.

Таблица 1. Результаты регрессионного моделирования для переменной «Разрешить въезд многим/немногим иммигрантам расы / этнической группы, отличной от большинства»

	Христианские деноминации		Ислам	
	Модель 1	Модель 2	Модель 5	Модель 6
Константа	2,60***	2,33***	2,85***	2,25***
	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,08)
Субъективная религиозность	0,02***	-0,01	0,04***	-0,01
	(0,01)	(0,01)	(0,01)	(0,02)
Католическая деноминация		0,20***	-0,33***	
		(0,02)	(0,01)	
Православная деноминация		0,52***		
		(0,02)		
Протестантская деноминация			-0,52***	
			(0,02)	
Католическая деноминация × Субъективная религиозность		0,03*	-0,02	
		(0,01)	(0,01)	
Православная деноминация × Субъективная религиозность		0,05**		
		(0,02)		
Протестантская деноминация × Субъективная религиозность			-0,05**	
			(0,02)	
Возраст	0,07***	0,10***	0,10***	0,20***
	(0,01)	(0,01)	(0,01)	(0,03)
Пол: мужской	-0,06***	-0,04***	-0,04***	-0,00
	(0,01)	(0,01)	(0,01)	(0,05)
Доход	-0,08***	-0,06***	-0,06***	-0,03
	(0,01)	(0,01)	(0,01)	(0,03)
Высшее образование: есть	-0,22***	-0,23***	-0,23***	0,00
	(0,01)	(0,01)	(0,01)	(0,06)
R ²	0,04	0,09	0,09	0,05
Скорректированный R ²	0,04	0,09	0,09	0,04
Количество наблюдений	22 332	22 332	22 332	1 292

Примечание. В таблице представлены стандартизированные регрессионные коэффициенты для линейных моделей, в скобках указаны робастные стандартные ошибки.

Значимость коэффициентов обозначается следующим образом: *** — $p < 0,001$; ** — $p < 0,01$; * — $p < 0,05$.

Таблица 2. Результаты регрессионного моделирования для переменной «Разрешить въезд многим/немногим иммигрантам той же расы/этнической группы, что и большинство»

	Христианские деноминации		Ислам
	Модель 3	Модель 4	Модель 7
Константа	2,13*** (0,02)	2,19*** (0,02)	2,13*** (0,08)
Субъективная религиозность	0,01* (0,00)	-0,00 (0,00)	-0,03 (0,02)
Католическая деноминация		-0,04** (0,01)	
Протестантская деноминация		-0,21*** (0,02)	
Католическая деноминация x Субъективная религиозность		0,03 (0,01)	
Протестантская деноминация x Субъективная религиозность		-0,01 (0,02)	
Возраст	0,04*** (0,00)	0,04*** (0,00)	0,17*** (0,03)
Пол: мужской	-0,02 (0,01)	-0,02 (0,01)	-0,00 (0,05)
Доход	-0,09*** (0,00)	-0,08*** (0,00)	-0,05 (0,03)
Высшее образование: есть	-0,22*** (0,01)	-0,21*** (0,01)	0,01 (0,06)
R ²	0,04	0,05	0,04
Скорректированный R ²	0,04	0,05	0,03
Количество наблюдений	22 332	22 332	1 292

Примечание. В таблице представлены стандартизированные регрессионные коэффициенты для линейных моделей, в скобках указаны робастные стандартные ошибки.

Значимость коэффициентов обозначается следующим образом: *** — $p < 0,001$; ** — $p < 0,01$; * — $p < 0,05$.

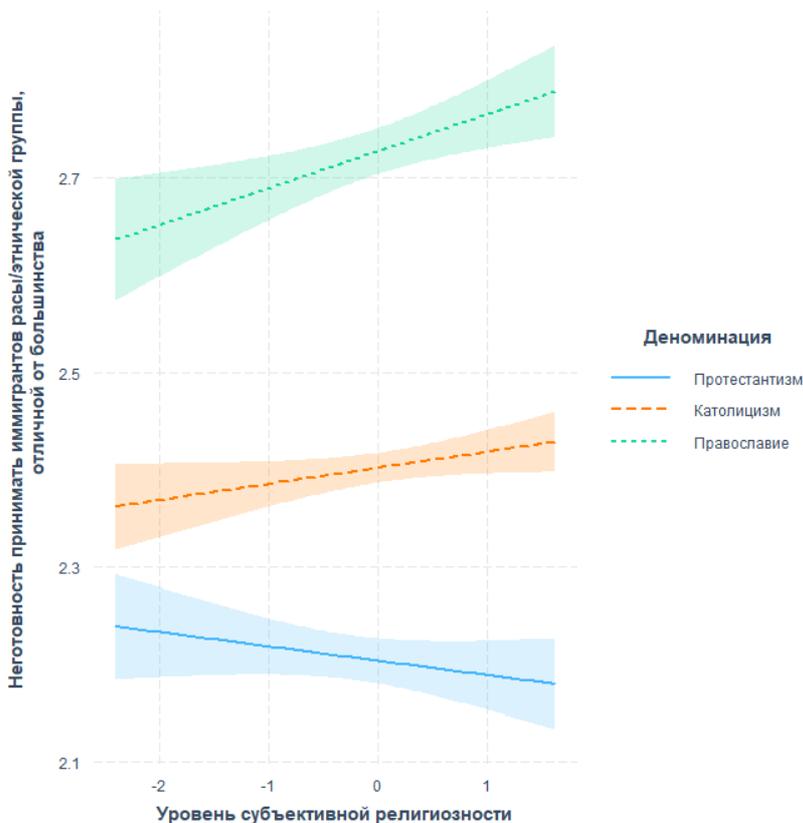
По сравнению с протестантами при возрастании уровня субъективной религиозности на одно стандартное отклонение у католиков и православных значение целевого признака увеличивается на 0,03 и 0,05 стандартных отклонений соответственно, что подтверждает гипотезу 2.

В модели 3 рассматривалась связь субъективной религиозности христиан по отношению к иммигрантам той же расы / этнической группы, что и большинство. Как показал анализ, с увеличением уровня субъективной религиозности на одно стандартное отклонение зависимая переменная возрастает на 0,01 (см. табл. 2). Учитывая результаты модели 1, можно заключить, что субъективная религиозность христиан положительно связана с неготовностью принимать иммигрантов обеих категорий. Это позволяет констатировать, что гипотеза 3 в настоящем исследовании не находит своего подтверждения.

Для тестирования гипотезы 4 в моделях 4 и 5 в качестве базовой категории была установлена православная деноминация (см. табл. 1 и 2). В модели 4 предик-

тор «субъективная религиозность» оказался незначим. Принадлежность к католицизму и протестантизму в сравнении с православием снижает неготовность принятия иммигрантов той же расы / этнической группы, что и большинство на 0,04 и 0,21 стандартных отклонения соответственно. Интеракции двух ключевых предикторов статистически незначимы.

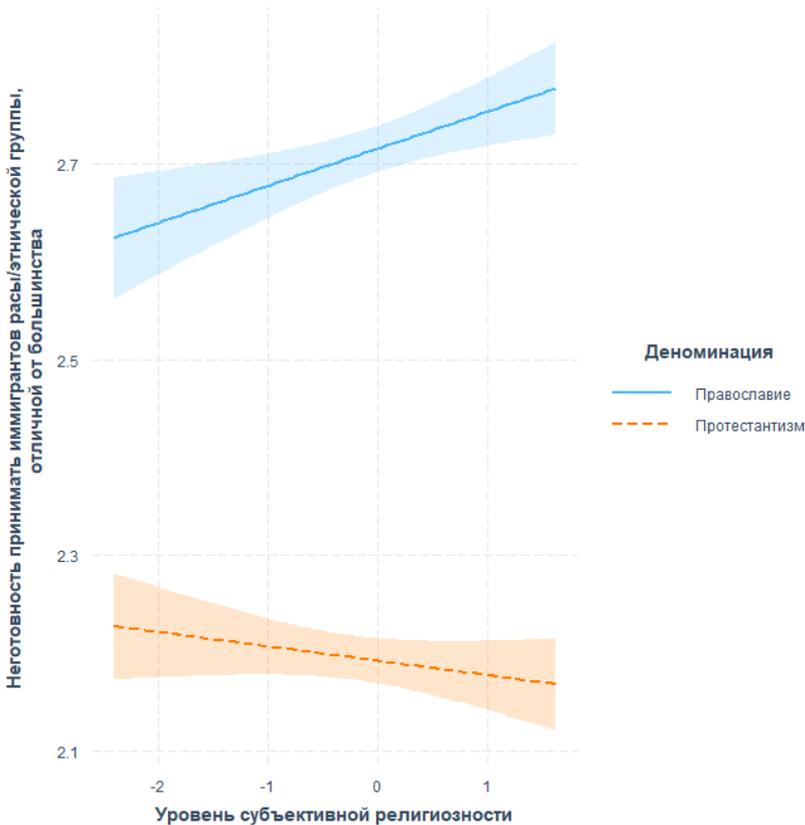
Рис. 1. Эффекты взаимодействия субъективной религиозности и деноминации (опорная категория — протестантизм)

Уровень субъективной религиозности в модели 5 имеет прямую связь с целевым признаком (см. табл. 1; величина коэффициента — 0,04). При этом принадлежность к католической и протестантской деноминациям по сравнению с православной имеет обратную связь с неготовностью принимать иммигрантов расы / этнической группы, отличной от большинства, и уменьшает зависимую переменную на 0,33 и 0,52 стандартных отклонения. В сравнении с православной деноминацией увеличение уровня субъективной религиозности у протестантов на одно стандартное отклонение снижает неготовность к принятию иммигрантов другой расы / этнической группы на 0,05 стандартных отклонений. Интеракция субъективной религиозности и католической деноминации относительно православных

не показала статистической значимости⁵, что не позволяет полностью подтвердить гипотезу 4. Эффекты взаимодействия отражены на рисунке 2.

Рис. 2. Эффект взаимодействия субъективной религиозности и деноминации (опорная категория — православие)

Наконец, в моделях 6 и 7 (см. табл. 1 и 2) тестировалась гипотеза о маргинализации на исламской выборке. Результаты моделирования демонстрируют незначимость уровня субъективной религиозности для мусульман по отношению как к иммигрантам той же расы / этнической группы, так и отличной от большинства населения. Таким образом, гипотеза 5 не нашла эмпирических подтверждений.

Обсуждение и выводы

Основным сюжетом исследования стало изучение связи религиозности с готовностью респондента принимать иммигрантов разного происхождения (в том числе с учетом взаимодействия этих индикаторов). Важная особенность работы заключается в рассмотрении всех трех крупнейших христианских деноминаций:

⁵ Интеракция оказалась незначимой после корректировки робастных оценок.

помимо католицизма и протестантизма, мы включаем и православие, которое, как правило, выпадает из фокуса по причине недостаточного количества релевантных наблюдений в данных обследований населения.

Моделирование показало, что в зависимости от происхождения иммигрантов статистическую связь с антииммигрантскими установками имеет не только субъективная религиозность респондента, но и его принадлежность к определенной конфессии, а также эффекты их взаимодействия. Это позволяет протестировать на имеющихся данных объяснения, предлагаемые теориями религиозного сострадания и культурной угрозы.

Проведенный анализ дает возможность отметить три ключевых момента.

Во-первых, уровень религиозности как независимый предиктор во многих случаях коррелирует с неготовностью принимать иммигрантов: была выявлена положительная связь между субъективной религиозностью христиан в целом и обеими зависимыми переменными. Однако полностью опровергнуть теорию религиозного сострадания не представляется возможным, поскольку сравнения коэффициентов проводились для двух разных зависимых переменных, хотя и измеренных с помощью единообразных шкал согласия. Эти результаты могут быть перепроверены с использованием более корректного с методологической точки зрения подхода в последующих исследованиях.

Во-вторых, полученные результаты отражают иерархию в отношении к иммигрантам другой расы / этнической группы с учетом конфессиональной принадлежности как независимого предиктора: в среднем православные респонденты менее склонны принимать иммигрантов, чем католики, а те, в свою очередь, — в меньшей степени, чем протестанты.

Во-третьих, для православных и католиков тенденция к снижению готовности принимать иммигрантов при большей субъективной религиозности выражена статистически сильнее, чем для протестантов. Среди православных более высокий уровень субъективной религиозности протестантов более выраженно положительно связан с готовностью принимать «чужих» иммигрантов; в случае с католиками эффект оказался статистически незначим. Результаты исследования во многом согласуются с теоретическими представлениями о том, что свойственная протестантам слабая организационная структура приводит к более позитивному восприятию иммигрантов [Daniels, von der Ruhr, 2005]; в то время как по результатам исследования отношение православных респондентов к иммигрантам в целом согласуются с официальным дискурсом православной церкви [Karyotis, Patrikios, 2010].

Подтвердить предположения о более низких антииммигрантских установках среди представителей религиозных меньшинств [Knoll, 2009] не удалось: анализ показал, что степень субъективной религиозности мусульман не связана с готовностью принимать иммигрантов вне зависимости от их происхождения.

Связь контрольных переменных (пол, возраст, доход, образование) с антииммигрантскими установками соответствует выводам предыдущих исследований [Scheepers, Gijssberts, Hello, 2002; Ceobanu, Escandell, 2010].

На основе этого можно заключить, что теория религиозного сострадания и гипотеза о маргинализации меньшинств не нашли эмпирических доказательств, то-

гда как предположения, основанные на теории культурной угрозы, получили подтверждение. Это может свидетельствовать в поддержку представления о религии как социальной идентичности и, в частности, как важной компоненты национальной идентичности [McDaniel, Nooruddin, Shortle, 2011; Storm, 2011] — по крайней мере, в европейском контексте.

Среди основных ограничений исследования стоит выделить определение восприятия респондентом иммигрантов по принципу «свой — чужой» через призму этничности (готовность принимать иммигрантов своей/чужой этнической группы и/или расы), тогда как в этом аспекте значительно большую роль может играть конфессиональная принадлежность иммигрантов, и не исключено, что ее восприятие заметно отличается. Проверить это в рамках данной работы не представляется возможным, так как соответствующие вопросы не включены в анкету десятой волны ESS. Тем не менее в заметной степени этот эффект корректируется тем фактом, что этничность и религия связаны: ислам распространен среди национальностей, которые не составляют большинства в рассматриваемых странах, следовательно, иммигранты-мусульмане почти всегда попадут в категорию «чужой» [Ponce, 2019].

Также можно отметить имманентную реактивность используемых опросных данных. Опрашиваемый часто подстраивает свои ответы под социальные ожидания, причем такая адаптация варьируется от респондента к респонденту и не поддается оценке [Lavrakas, 2008]. Помимо прочего, этот эффект искажает показатели реального этнорасового неравенства в контексте антииммигрантских установок, потому что исчезает возможность отследить наличие выстроенных этнорелигиозных иерархий и оценить роль уровня субъективной религиозности и конфессиональной принадлежности в их формировании. Но в целом, как показывают исследования, даже на качественных опросных данных обычно не удается построить сильную с предсказательной точки зрения модель [Salganik et al., 2020]. Так, построенные в данном исследовании модели позволяют объяснить лишь 4—9% от общей дисперсии. Это может быть связано как с другими важными контекстными факторами, не включенными в модели, так и с указанной спецификой опросных данных.

Еще одним ограничением исследования является структура данных, которая позволяет рассмотреть только три христианские конфессии, так как остальные представлены в выборке слишком слабо. Кроме того, исследование было сконцентрировано на индивидуальном уровне, тогда как предварительный анализ выявил заметный уровень группоспецифичности в данных.

Фокус последующих исследований может быть смещен с индивидуального уровня на объяснение межстрановых различий. В частности, возможно рассмотрение вариативных факторов странового контекста и выявление различий в силе уже установленных связей в зависимости от страны. Дополнительной возможностью для развития выводов данной работы является сравнение размеров эффекта индикаторов религиозности и остальных факторов с учетом масштаба переменных. Это позволит сделать вывод об относительной важности религиозности респондента как предиктора антииммигрантских установок.

Список литературы (References)

- Дорханов И. А., Соколов Б. О. Конфессия, религиозность и антииммигрантские настроения в Европе: анализ данных Европейского социального исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 61—82. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1861>.
- Dorkhanov I. A., Sokolov B. O. (2022) Denomination, Religiosity and Antimmigrant Attitudes in Europe: Evidence from the European Social Survey. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 61—82. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1861>. (In Russ.)
- Allport G. W., Ross J. M. (1967) Personal Religious Orientation and Prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 5. No. 4. P. 432—443. <https://doi.org/10.1037/h0021212>.
- Aristova A. (2016) Migrant Crisis in Europe: Challenges for Interreligious Relations. *Ukrainian Religious Studies*. No. 77. P. 39—45. <https://doi.org/10.32420/2016.77.631>. (In Ukrainian).
- Baláz V., Nežinský E., Williams A. (2021) Terrorism, Migrant Crisis and Attitudes Towards Immigrants from outside of the European Union. *Population, Space and Place*. Vol. 27. No. 4. P. 1—21. <https://doi.org/10.1002/psp.2424>.
- Balch A. (2016) A «Migrant Crisis»? In: Immigration and the State. London, UK: Palgrave Macmillan. P. 17—36. https://doi.org/10.1057/978-1-137-38589-5_2.
- Bauer D. J., Sterba S. K. (2011) Fitting Multilevel Models with Ordinal Outcomes: Performance of Alternative Specifications and Methods of Estimation. *Psychological Methods*. Vol. 16. No. 4. P. 337—390. <https://doi.org/10.1037/a0025813>.
- Ben-Nun Bloom P., Arikian G., Courtemanche M. (2015) Religious Social Identity, Religious Belief, and Anti—Immigration Sentiment. *American Political Science Review*. Vol. 109. No. 2. P. 203—221. <https://doi.org/10.1017/S0003055415000143>.
- Ben-Nun Bloom P., Arikian G., Lahav G. (2015). The Effect of Perceived Cultural and Material Threats on Ethnic Preferences in Immigration Attitudes. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 38. No. 10. P. 1760—1778. <https://doi.org/10.1080/01419870.2015.1015581>.
- Bessudnov A. (2016) Ethnic Hierarchy and Public Attitudes Towards Immigrants in Russia. *European Sociological Review*. Vol. 32. No. 5. P. 567—580. <https://doi.org/10.1093/esr/jcw002>.
- Card D., Dustmann C., Preston I. (2012) Immigration, Wages, and Compositional Amenities. *Journal of the European Economic Association*. Vol. 10. No. 1. P. 78—119. <https://doi.org/10.1111/J.1542-4774.2011.01051.X>.
- Ceobanu A. M., Escandell X. (2010) «Comparative Analyses of Public Attitudes toward Immigrants and Immigration Using Multinational Survey Data: A Review of Theories and Research». *Annual Review of Sociology*. Vol. 36. P. 309—328. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102651>.

Cutts D., Ford R., Goodwin M.J. (2011) Anti-Immigrant, Politically Disaffected or Still Racist after All? Examining the Attitudinal Drivers of Extreme Right Support in Britain in the 2009 European Elections. *European Journal of Political Research*. Vol. 50. No. 3. P. 418—440. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2010.01936.x>.

Dancygier R. M., Donnelly M. J. (2013) Sectoral Economies, Economic Contexts, and Attitudes toward Immigration. *The Journal of Politics*. Vol. 75. No. 1. P. 17—35. <https://doi.org/10.1017/S0022381612000849>.

Daniels J., von der Ruhr M. (2005) God and the Global Economy: Religion and Attitudes Toward Trade and Immigration in the United States. *Socio-Economic Review*. Vol. 3. No. 3. P. 467—489. <https://doi.org/10.1093/SER/mwi020>.

Fetzer J. S. (1998) Religious Minorities and Support for Immigrant Rights in the United States, France, and Germany. *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 37. No. 1. P. 41—49. <https://doi.org/10.2307/1388028>.

Gesthuizen M., Savelkoul M., Scheepers P. (2021) Patterns of Exclusion of Ethno — Religious Minorities: The Ethno — Religious Hierarchy across European Countries and Social Categories within These Countries. *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 82. P. 12—24. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2021.03.001>.

Joensen T., Taylor I. (2021) Introduction: Small States and the Migrant Crisis in Context. In: Joensen T., Taylor I. (eds.) *Small States and the European Migrant Crisis*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 3—17. https://doi.org/10.1007/978-3-030-66203-5_1.

Karyotis G., Patrikios S. (2010) Religion, Securitization and Anti-Immigration Attitudes: The Case of Greece. *Journal of Peace Research*. Vol. 47. No. 1. P. 43—57. <https://doi.org/10.1177%2F0022343309350021>.

Kim H. H., Kim H. J. (2021) Understanding Economic and Cultural Underpinnings of Anti — Immigrant Attitudes: Multilevel Evidence from the Asian Barometer Survey Wave IV (2014—2016). *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 33. No. 2. P. 377—396. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edaa034>.

Knoll B. R. (2009) «And Who Is My Neighbor»? Religion and Immigration Policy Attitudes. *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 48. No. 2. P. 313—331. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5906.2009.01449.x>.

Kollar R., Fleischmann F. (2022) Does Religion Foster Prejudice Among Adherents of All World Religions? A Comparison Across Religions. *Review of Religious Research*. Vol. 64. No. 4. P. 627—653. <https://doi.org/10.1007/s13644-022-00509-x>.

Ladini R., Biolcati F., Molteni F., Pedrazzani A., Vezzoni C. (2021) The Multifaceted Relationship between Individual Religiosity and Attitudes toward Immigration in Contemporary Italy. *International Journal of Sociology*. Vol. 51. No. 5. P. 390—411. <https://doi.org/10.1080/00207659.2021.1937778>.

Lavrakas P. (2008) *Encyclopedia of Survey Research Methods*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. <https://doi.org/10.4135/9781412963947>.

McDaniel E. L., Nooruddin I., Faith Shortle A. (2010) «Divine Boundaries: How Religion Shapes Citizens' Attitudes Toward Immigrants». *American Politics Research*. Vol. 39. No. 1. P. 205—233. <https://doi.org/10.1177/1532673X10371300>.

Mikołajczyk B. (2020) The Migrant Crisis and Refugees — a Crisis of EU Solidarity. *Polish Review of International and European Law*. Vol. 9. No. 2. P. 169—197. <https://doi.org/10.21697/priel.2020.9.2.07>.

Nteta T. M., Wallstein K. J. (2012) «Preaching to the Choir? Religious Leaders and American Opinion on Immigration Reform». *Social Science Quarterly*. Vol. 93. No. 4. P. 891—910. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2012.00865.x>.

Pardos-Prado S., Xena C. (2019) Skill Specificity and Attitudes toward Immigration. *American Journal of Political Science*. Vol. 63. No. 2. P. 286—304. <https://doi.org/10.1111/ajps.12406>.

Peker E. (2022) Finding Religion: Immigration and the Populist (Re)Discovery of Christian Heritage in Western and Northern Europe. *Religions*. Vol. 13. No. 2. Art. 158. <https://doi.org/10.3390/rel13020158>.

Ponce A. (2019) Excluding Europe's Muslims: Symbolic Boundaries and Anti-immigrant Attitudes Along a Racial — Ethnic Hierarchy. *Humanity & Society*. Vol. 43. No. 4. P. 375—402. <https://doi.org/10.1177/0160597618814884>

Quillian L. (1995) Prejudice as a Response to Perceived Group Threat: Population Composition and Anti — Immigrant and Racial Prejudice in Europe. *American Sociological Review*. Vol. 60. No. 4. P. 586—611. <https://doi.org/10.2307/2096296>.

Rothschild Z. K., Abdollahi A., Pyszczynski T. (2009) Does Peace Have a Prayer? The Effect of Mortality Salience, Compassionate Values, and Religious Fundamentalism on Hostility toward Out-Groups. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 45. No. 4. P. 816—827. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2009.05.016>.

Salganik M. J., Lundberg I., Kindel A. T., Ahearn C. E., Al — Ghoneim K., Almaatouq A., Altschul D. M., Brand J. E., Carnegie N. B., Compton R. J., Datta D., Davidson T., Filipova A., Gilroy C., Goode B. J., Jahani E., Kashyap R., Kirchner A., McKay S., ... McLanahan S. (2020) Measuring the Predictability of Life Outcomes with a Scientific Mass Collaboration. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 117. No. 15. P. 8398—8403. <https://doi.org/10.1073/pnas.1915006117>.

Scheepers P., Gijsberts M., Hello E. (2002) Religiosity and Prejudice against Ethnic Minorities in Europe: Cross — National Tests on a Controversial Relationship. *Review of Religious Research*. Vol. 43. No. 3. P. 242 265. <https://doi.org/10.2307/3512331>.

Sides J., Citrin J. (2007) European Opinion About Immigration: The Role of Identities, Interests and Information. *British Journal of Political Science*. Vol. 37. No. 3. P. 477—504. <https://doi.org/10.1017/S0007123407000257>.

Squire V., Perkowski N., Stevens D., Vaughan-Williams N. (2021) Reclaiming Migration: Voices from Europe's «Migrant Crisis». Manchester, UK: Manchester University Press.

Storm I. (2011) «Christian Nations»? Ethnic Christianity and Anti— Immigration Attitudes in Four Western European Countries. *Nordic Journal of Religion and Society*. Vol. 24. No. 1. P. 75—96. <https://doi.org/10.18261/ISSN1890-7008-2011-01-05>.

Thérová L. (2023) Anti-Immigration Attitudes in Contemporary Polish Society: A Story of Double Standards? *Nationalities Papers*. Vol. 51. No. 2. P. 387—402. <https://doi.org/10.1017/nps.2022.71>.

Yılmaz F. (2012) Right-Wing Hegemony and Immigration: How the Populist Far-Right Achieved Hegemony through the Immigration Debate in Europe. *Current Sociology*. Vol. 60. No. 3. P. 368—381. <https://doi.org/10.1177/0011392111426192>.